

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.3.6>

УДК 811.111'42

ББК 81.432.1-51

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ЛЕГИТИМИЗАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ Д. КЭМЕРОНА)

Татьяна Михайловна Голубева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева
gtm77@mail.ru
ул. Минина, 24, 603600 г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация. В статье проводится критический дискурс-анализ средств языка, риторики и прагматики, участвующих в реализации такой функции политического дискурса, как легитимизация – придание законного статуса политическим решениям и действиям. Материалом для исследования послужило выступление премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона от 6 марта 2014 г., в котором обосновывается необходимость и целесообразность введения Евросоюзом политических и экономических санкций в отношении России. Оценочная лексика, синтаксические структуры, дейктические выражения, приемы аргументации, различные типы имплицированного значения, используемые в речи британского политика, актуализируют пространственное, временное и аксиологическое измерения проксимизации – ключевого когнитивного механизма легитимизации. В осуществлении легитимизации участвуют утвердительные речевые акты, формирующие образ сильного и компетентного политика, а также дискурс «общего дела», характеризующийся единством целей и интересов адресата сообщения и говорящего. Выступление Д. Кэмерона формирует у реципиента определенное отношение к действиям России и Евросоюза, вызванным внезапным обострением украинского кризиса, а также создает и воспроизводит стереотипы, в рамках которых Россия позиционируется как источник угрозы для «свободной и демократической» Европы, реанимируя таким образом идеологию противостояния России и Запада.

Ключевые слова: политический дискурс, легитимизация, проксимизация, оценочная лексика, глагольные предикаты, дейктические местоимения, Европейский Союз, Россия.

© Голубева Т.М., 2015

Легитимизация, или придание законности, наряду с принуждением, протестом и диссимуляцией (отвлечением внимания от проблемных и противоречивых вопросов) относится к стратегическим функциям политического дискурса, в реализации которых активно участвуют языковые средства [4, р. 212]. Польский лингвист П. Кап рассматривает легитимизацию как «основную цель полити-

ка, стремящегося найти обоснование действиям, которые, по его утверждению, он намеревается совершить (или уже совершил) в интересах адресата» [1]. Исследователи отмечают, что «понятие легитимизации связано со стратегиями, обуславливающими принятие реципиентом институционального порядка, и ориентировано на акты апологизации говорящего, то есть представления его / ее как чело-

века, обладающего разумом, видением и здравомыслием» [3]. К данным стратегиям, в частности, относятся: осознание и / или утверждение интересов и потребностей адресата, актуализация глобальных и неоспоримых идеологических принципов, представление себя как харизматичного лидера, восхваление своих действий. Другие стратегии заключаются в негативном представлении оппозиции посредством обвинения, маргинализации, отчуждения, критики морального облика и мотивов поведения соперника [1].

Одним из важнейших когнитивных механизмов легитимизации является так называемая «проксимизация» (proximization). Понятие проксимизации, впервые упомянутое британским лингвистом П. Чилтоном [3, р. 47], было подвергнуто детальной разработке в дискурсивных исследованиях П. Капа, который представил его в виде модели, применимой к анализу политического дискурса. Данная модель актуализирует три измерения, или когнитивных домена, проксимизации: пространственное, временное и аксиологическое. Другими словами, проксимизация обуславливает возникновение у адресата ощущения близости угрозы или благоприятных обстоятельств с точки зрения места, времени и ценностей. Реципиент реорганизует поступающую информацию относительно дейктического центра, в котором он / она позиционируется дискурсивно [1].

Проксимизация может содержать три вида оценки: положительную, отрицательную и нейтральную. Так, практически все положительные модели актуализируют предложение (или обещание) чего-либо целевой аудитории, которое облегчает обоснование отношений, решений или действий говорящего. Отрицательные модели проксимизации актуализируют предупреждение, которое в лучшем случае содержит совет, а в худшем – угрозу. Такая модель пространственной проксимизации представляет происходящие события как (а) физически близкие, (б) значимые и угрожающие и поэтому (в) требующие немедленной реакции [1]. В положительной пространственной проксимизации события определяются как близкие и требующие ответа, но выгодные и многообещающие для адресата. В этом случае реципиенту, как правило, отво-

дится активная роль агента действия, которому предлагается воспользоваться ситуацией, в то время как в отрицательной проксимизации приближение угрозы к дейктическому центру происходит без участия адресата.

Временное измерение проксимизации представляет события как важные, имеющие историческое значение и является, по сути, оценочно нейтральным. Однако иногда направленность оценки временной проксимизации может детерминироваться контекстом. Так, отрицательные модели нередко относятся к прошлому, к уже совершившимся событиям, нейтральные характеризуют настоящее, а положительные связаны с будущим.

Аксиологический аспект проксимизации сужает расстояние между двумя различными и противостоящими друг другу идеологиями, вплоть до их столкновения, которое, в свою очередь, может привести к событиям, определяемым пространственным и временным измерениями, и сформировать оценочный статус аксиологического измерения. Характер оценки обусловлен существующим у адресата отношением к «чужой» идеологии, а также уровнем доверия к источнику информации, в данном случае политику.

К другим механизмам легитимизации относятся утвердительные речевые акты и дискурс «общего дела» (common ground). Частое использование говорящим утверждений может рассматриваться как прагматически значимый прием благодаря той роли, которую утверждения играют в политическом дискурсе. Члены данной категории речевых актов зачастую «выражают идеологические принципы, которые соответствуют психологическим, социальным, политическим и религиозным установкам адресата» [1]; поэтому они могут обладать определенной степенью правдивости. Посредством утверждений сообщается фактическая информация, как правило не подлежащая сомнению или опровержению. Кроме того, благодаря активному использованию утверждений говорящий может позиционировать себя как компетентного, информированного политика, что, в свою очередь, способствует осуществлению легитимизации. Конструирование дискурса «общего дела» направлено на актуализацию пропозиции о том, что говорящий и адресат разделяют те или

иные потребности, цели и ценности и позволяет навязать адресату определенное видение проблемы, убедить его / ее в законности, правильности совершения каких-либо действий.

Рассмотрим на конкретном примере, как и какие средства лингвистики, риторики и прагматики приводят в действие описанные механизмы легитимизации. Предметом анализа послужил текст выступления премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона от 6 марта 2014 г., представленный вниманию общественности после встречи европейских лидеров, целью которой было обсуждение ситуации на Украине и формирование официальной позиции стран Евросоюза относительно намерения Крымской автономии провести референдум о самоопределении. По результатам этой встречи было принято решение о введении политических и экономических санкций против России, являющееся поворотным в истории взаимоотношений между РФ и Европой. В своей речи британский политик сообщает о принятом решении, обосновывая легитимность и целесообразность введения данных санкций.

Для оптимизации дискурсивного анализа текст выступления был разделен на структурно-смысловые параграфы (абзацы). Фрагменты текста, имеющие непосредственное отношение к целям проводимого исследования, выделены курсивом.

(1) *This meeting of European leaders takes place at a dangerous moment. The territorial integrity of an independent nation has been violated. The sovereignty of one of the EU's neighbours has been blatantly swept aside. The aspirations of the Ukrainian people – to live in a country free from corruption and free to chart its own future – are being crushed. And Russia has acted in flagrant breach of international law.*

(2) *This matters to people in Britain because we depend on a world where countries obey the rules. It matters because this is happening in our own neighbourhood – on the European continent where in the last 70 years we have worked so hard to keep the peace. And it matters because we know from our history that turning a blind eye when nations are trampled over and their independence trashed stores up far greater problems in the long run.*

(3) *So we must stand up to aggression, uphold international law and support people who want a free, European future. We need to de-escalate the*

situation. We must be clear with the Russians about their actions. And we must back the Ukrainian people.

(4) *Each part of this matters. So first, we must find a way to defuse the situation and to restore stability in Ukraine. Some progress was made yesterday in Paris to get the Russians and Ukrainians around the table together. But today's vote of the Crimean Parliament to join Russia and the decision to bring forward an unconstitutional referendum to 10 days time are serious steps in the wrong direction. The Ukrainian government has been clear that such a referendum would be illegal. And today European leaders have backed their position.*

(5) *Illegal actions committed by Russia cannot pass without a response. And I made very clear today: that it cannot be business as usual with Russia. So, we have agreed in respect of what has happened already: to suspend negotiations on a more liberal visa regime for Russians; to stop work on a comprehensive new agreement on relations between Russia and the EU and to pull out of all preparations for the G8 summit in Sochi in June. And if Russia does not rapidly engage in direct talks with the Ukrainian government to find a solution to this crisis, we have been clear that we will go further. We have today tasked the European Commission to start work on additional measures, including travel bans and asset freezes. Of course the situation in Ukraine remains highly precarious – the slightest miscalculation could see it spiral out of control. And we have issued a very clear warning to President Putin that he must not destabilize the situation further. If Russia does not change course, the statement issued today now makes clear that there will be severe and far reaching consequences in areas such as energy, trade, and financial relations.*

(6) *We are determined to support the new Ukrainian government and to stand by the Ukrainian people. What they want is what people everywhere want – a strong economy, the rule of law, the right to choose their leaders and to hold them to account. In other words, a job, a voice and hope for a better future.*

(7) *The new Ukrainian government faces massive challenges. They will need to carry out far-reaching reforms needed to stabilize and repair their economy. And as they do this, we are prepared to offer a powerful package of finance, trade and technical assistance. They will also need to tackle corruption. The EU has now frozen the assets of 18 individuals linked to the former regime. And Britain is ready to help the new Ukrainian government go after ill-gotten funds and to return them to the people. Today, we have deployed to Kiev a team from the National Crime Agency, supported by the Met and CPS to help with these efforts.*

(8) *At the same time, the new government must show that it is standing up for and representing all Ukrainians – whatever their ethnic background. It will be particularly important that the May elections are free and fair and enable all Ukrainians, including Russian speakers, to choose their leaders freely.*

(9) *We are facing the most serious crisis in Europe this century.*

(10) *Getting agreement from the elected leaders of 28 European nations is never easy. Britain has played an important part bringing countries together, setting out new measures that need to be taken and insisting on clear values: standing up to aggression and backing the rule of law. But we have sent a clear and united message to Russia that its actions are completely unacceptable and will incur consequences. We have given our backing to Prime Minister Yatsenyuk at this challenging time for him and his country. And we have stood up for the Ukrainian people and their entirely legitimate hope for a better future for them and their children. And we will continue to do so in the days and weeks ahead¹.*

Отметим, что события, происходящие на Украине (в том числе Крымский референдум), в сущности, далеки от рядовых граждан Евросоюза, не имеющих четкого представления о состоянии дел в этой стране. Поэтому основная задача выступления британского премьер-министра заключается в том, чтобы сделать украинский кризис актуальным и релевантным для европейцев, «приблизить» его к Европе. Проксимизация необходима для получения согласия целевой аудитории с историческим решением о введении санкций против России, решением, которое в той или иной степени затрагивает политические и экономические интересы большинства европейских государств. Проксимизация украинских событий осуществляется с точки зрения времени, пространства и идеологии, причем наиболее ярко и значимо в речи британского политика представлен аксиологический аспект.

Концептуальное моделирование ситуации как «преступления», «правонарушения» при помощи определенных лексико-грамматических средств манифестирует идеологическую направленность конструируемого дискурса на негативное представление (демонизацию) России, положительное представление (аполлогизацию) Великобритании и Евросоюза и виктимизацию Украины. На лексическом

уровне фрейм «преступление» актуализируется при помощи предикатов *violate, sweep aside, crush, act in flagrant breach of international law, trample over, trash*. Объект данных материально намеренных действий (по Халлидею) – Украина, позиционируемая как жертва, субъект – Россия, позиционируемая как агрессор. Виктимизация Украины приобретает четко выраженный характер благодаря использованию параллельных пассивных конструкций, фокусирующих внимание адресата на объекте действий: *the territorial integrity, the sovereignty, the aspirations of the Ukrainian people*. Выбор лексики не случаен – перечисленные понятия являются детерминантами государственности, фундаментальными ценностями, посягательство на которые может иметь трагические последствия для нации. Использование данных понятий позволяет говорящему интенсифицировать эмоциональный тон высказывания, придать глобальность и значимость идеям и событиям, о которых идет речь.

Созданию эффекта объемности, масштабности описываемых событий способствует прием деагентивации. Субъект действий остается в тени: говорящий избегает выдвижения прямых обвинений в адрес России, очевидно, ввиду того что они могут быть расценены как безосновательные и даже провокационные. Однако последующее утверждение *And Russia has acted in flagrant breach of international law* обуславливает вывод имплицитур о том, что Россия имеет непосредственное отношение к упомянутым «преступлениям». Обращает на себя внимание отсутствие конкретных указаний на совершенные Россией действия, иначе говоря, «состава преступления»: роль России в украинском кризисе описывается с помощью *actions, course* без какой-либо спецификации. Говорящий целенаправленно фокусирует внимание адресата сообщения на характере действий России, используя ряд оценочных слов и словосочетаний, обладающих выраженной негативной направленностью: *aggression, illegal, destabilize, completely unacceptable, steps in the wrong direction*. Систематическое использование негативной оценочной лексики для характеристики действий России, не подкрепленное какими-либо фактическими данными, свиде-

тельствует о субъективизме и пристрастности британского премьер-министра в интерпретации событий и подвергает сомнению истинность и приемлемость его заявлений.

Так, на уровне прагматики и языка актуализируется отрицательная аксиологическая проксимизация: Россия как «источник беззакония и агрессии» противопоставляется «правовым и свободным» государствам, к которым говорящий причисляет Европейский Союз вообще и Великобританию в частности: *we depend on a world where countries obey the rules, we have worked so hard to keep the peace, Britain has played an important part bringing countries together... and insisting on clear values: standing up to aggression and backing the rule of law.* Говорящий позиционирует Россию и Евросоюз как идеологических и политических оппонентов, «столкнувшихся» друг с другом по вопросу украинского кризиса, при этом России приписывается роль его катализатора: *And we have issued a very clear warning to President Putin that he must not destabilize the situation further.* Миссия же Евросоюза, как заявляет Д. Кэмерон, заключается в деэскалации кризиса: *We need to de-escalate the situation; we must find a way to defuse the situation and to restore stability in Ukraine.* Концептуализация действий России как агрессии обуславливает представление противодействующей стороны как вершителя правосудия и защитника пострадавших: *So we must stand up to aggression, uphold international law and support people who want a free, European future.* Фраза *a free, European future* представляет собой случай дискурсивно детерминированной идеологизации понятия: в данном контексте предметное значение лексемы *European* «европейский» перекрывается положительными оценочными коннотациями, в результате чего географическое понятие «европейский» приобретает аксиологическую направленность, то есть становится ценностно-ориентированным, превращаясь в синоним слов *free* «свободный», *democratic* «демократический».

Как утверждает британский политик, Украина стремится к свободе и демократии: *The aspirations of the Ukrainian people – to live in a country free from corruption and free to chart its own future; What they want is what*

people everywhere want – a strong economy, the rule of law, the right to choose their leaders and to hold them to account. Это, в свою очередь, делает ее идеологическим союзником Европы. Приверженность Украины идеям свободы, справедливости и демократии также является залогом политической и экономической поддержки со стороны Евросоюза: *It will be particularly important that the May elections are free and fair and enable all Ukrainians, including Russian speakers, to choose their leaders freely.* Показательно, что надежда украинского народа на лучшее, то есть европейское, будущее, по определению говорящего, является «совершенно легитимной»: *And we have stood up for the Ukrainian people and their entirely legitimate hope for a better future for them and their children.* В то время как проведение референдума о вхождении Крыма в состав Российской Федерации классифицируется как «неконституционное» и «незаконное» действие (*an unconstitutional referendum; such a referendum would be illegal*). Стоит также отметить, что британский премьер именует про-европейское украинское руководство, пришедшее к власти путем вооруженного переворота, «новым украинским правительством» (*the new Ukrainian government*), а прежнее про-российское правительство В. Януковича, избранное в соответствии с конституцией, – режимом» (*The EU has now frozen the assets of 18 individuals linked to the former regime*²), констатируя тем самым факт его недемократичности и авторитарности. Таким образом, в дискурсе осуществляется идеологическое сближение двух различных экономико-политических формаций – Украины и Евросоюза – и идеологическая поляризация России и Европы (отрицательная vs. положительная аксиологическая проксимизация).

Пространственная и временная проксимизации, представленные в речи Д. Кэмерона, используются с целью создания у реципиента чувства близости, осязаемости и важности событий, о которых идет речь. Задача говорящего – заставить адресата сообщения воспринять данные события как имеющие непосредственное отношение к его / ее жизни и благополучию, чтобы затем получить согласие адресата с предлагаемым курсом дей-

ствий по отношению к России. Так, в первом предложении утверждается, что в настоящее время в мире существует опасность: *This meeting of European leaders takes place at a dangerous moment*. Очевидно, имеется в виду опасность для Европы, поскольку выступление Д. Кэмерона адресовано в первую очередь европейцам. Используемый прием аргументации *argumentum ad baculum* («апелляция к страху») имеет целью воздействовать на реципиента эмоционально, заставить его / ее испытать чувство тревоги, беспокойства. Временная проксимизация сопровождается пространственной: говорящий «приближает» опасность к дейктическому центру локализации реципиента, в данном контексте – Европе и Великобритании: *one of the EU's neighbours; This matters to people in Britain*. Релевантность «опасности» для жителей Европы также сообщается посредством использования дейктического местоимения *our (our own neighbourhood; our history)* в параллельных синтаксических конструкциях, начинающихся со слов *This / It matters*, во втором абзаце. Последнее утверждение данного абзаца содержит аллюзии на события Второй мировой войны, посредством которых говорящий проводит необоснованную аналогию между гитлеровским вторжением в Европу и действиями России, направленными на поддержку решения Крымской автономии (население которой преимущественно составляют этнические русские) отделиться от Украины после того, как новое правительство заявило о намерении проводить ультранационалистическую политику. Данная аллюзия, с одной стороны, увеличивает значимость и масштаб происходящих событий, а с другой – обуславливает вывод инференции о том, что Россия является источником политической и идеологической угрозы для Европы. По мнению Р. Водак, «посредством аллюзий говорящий может вызвать у реципиента негативные ассоциации или создать негативные коннотации, не будучи ответственным за них. Аллюзии связаны с коллективным социокультурным знанием, и тот, кто делает аллюзии, рассчитывает на готовность реципиента отреагировать на них, то есть прийти к умозаключению, опираясь на имеющиеся у него / нее представления. Таким образом, в сфере политики при помощи

аллюзий отправитель сообщения может снизить статус политического оппонента, не принимая на себя ответственность за то, что было выражено им имплицитно: ведь в лучшем случае был создан лишь стимул сделать определенные предположения» [11, p. 212].

Временной и пространственной аспекты проксимизации реализуются параллельно в утверждении *We are facing the most serious crisis in Europe this century*, которое представляет происходящие события в гиперболизированном виде. Британский политик глобально расширяет территориальные и временные границы локального украинского кризиса, включая в зону его действия целый континент и квалифицируя его как «самый серьезный кризис», который произошел в двадцатом веке.

Исследователи международного политического дискурса отмечают, что мировые лидеры в своих обращениях к общественности, как правило, преследуют две цели: (1) «придать значение обстоятельствам, оказывающим влияние на жизнь граждан, опираясь на политические ценности и убеждения, которые придают законность международному поведению “хороших” наций» [9, p. 567]; (2) «продемонстрировать своим избирателям, что их идеи и высказывания уместны, правильны, чтобы обеспечить себе таким образом популярность и поддержку электората» [10, p. 129]. В речи британского премьер-министра также содержатся утверждения, формирующие образ компетентного, сильного политика, который борется за мир, справедливость и демократию: *we have worked so hard to keep the peace; So we must stand up to aggression, uphold international law and support people who want a free, European future*. С целью укрепления позиций Великобритании на международной арене он неоднократно позиционирует свою страну как значимого агента геополитики: *Britain is ready to help the new Ukrainian government go after ill-gotten funds and to return them to the people; Britain has played an important part bringing countries together, setting out new measures that need to be taken and insisting on clear values: standing up to aggression and backing the rule of law*. Д. Кэмерон подчеркивает, что инициатива принятия решения об оказании политического и экономического давления на Рос-

сию принадлежит именно Великобритании, то есть ему как главе исполнительной власти: *And I made very clear today that it cannot be business as usual with Russia.*

Обращает на себя внимание многократное употребление прилагательного *clear* в выражениях *make it clear, be clear* и т. п. для характеристики речевого поведения Евросоюза, Великобритании и Украины по отношению к России. Фраза *make it clear* может быть отнесена к положительным вербальным процессам авторитарной направленности в классификации глагольных предикатов британского лингвиста Л. Чен³. Данный тип вербальных процессов включает такие глаголы, как *emphasize, indicate, state, spell out, explain, point out*, наделяющие человека, чье речевое поведение они характеризуют, силой, властью, влиянием. Это происходит благодаря ассоциациям, вызванным данными глагольными предикатами, ведь только люди, обладающие специальными знаниями и властью, вправе указывать, констатировать, объяснять и т. п. Используя фразы, имеющие угрожающий, диктаторский тон, для описания речевых действий европейских лидеров в обращении к российскому правительству (*we have been clear that we will go further; we have issued a very clear warning to President Putin, we have sent a clear and united message to Russia*), британский премьер-министр не только позиционирует себя и своих коллег как независимых и сильных политиков, но и концептуализирует взаимодействие между Евросоюзом и РФ в рамках модели «доминирование – подчинение», дискурсивно исключая возможность диалога между Европой и Россией на равноправных условиях.

В выступлении британского премьер-министра активно задействован и такой механизм легитимизации, как дискурс «общего дела», конструируемый при помощи дейктического местоимения *we*. Лингвисты различают семь типов данного местоимения, в зависимости от того, являются ли реципиент и говорящий его референтами [5, р. 164]. В этом отношении местоимение *we* может быть эксклюзивным и инклюзивным. В речи Д. Кэмерона представлено (1) эксклюзивное политическое *we*, обозначающее лидеров стран Евросоюза, включающее говорящего и исключаящее адресата;

(2) инклюзивное британское *we*, обозначающее представителей Великобритании, включающее говорящего и адресата; (3) инклюзивное европейское *we*, обозначающее граждан Евросоюза, включающее говорящего и адресата. Эксклюзивное политическое *we* в предложениях пятого и шестого абзацев выполняет информативную функцию: говорящий сообщает целевой аудитории, какие меры воздействия на Россию избрали европейские лидеры, а также какую позицию они занимают по украинскому вопросу. Инклюзивное британское *we* «в чистом виде» представлено в утверждениях: *This matters to people in Britain because we depend on a world where countries obey the rules; Today, we have deployed to Kiev a team from the National Crime Agency, supported by the Met and CPS to help with these efforts.* В остальных случаях оно утрачивает четкую референтную составляющую, перекликаясь с инклюзивным европейским *we*. Так, не совсем ясно, кого – британцев или европейцев – обозначает местоимение *we* во втором и третьем предложениях второго абзаца. В третьем абзаце референтом *we* в призывах директивного характера, обращенных к целевой аудитории, очевидно, является европейское сообщество, однако деэскалация конфликта и ведение переговоров с Россией входит в компетенцию политиков, а не простых граждан. Очевидно, говорящий актуализирует солидарность позиций европейских политиков и народа по вопросу украинского кризиса, чтобы настроить реципиента на принятие предлагаемого курса действий по отношению к России.

Подвижность значения местоимения *we*⁴ позволяет интенционально объединить представителей различных наций и социальных групп в одну территориально-идеологическую структуру. Представители данной структуры образуют гомогенную группу *homo Europeus*, которой дискурсивно приписываются такие положительные характеристики, как «свобода», «демократия», «справедливость», «терпимость», «равенство». Таким образом, в своем выступлении британский политик не только идеологически консолидирует разнородное европейское сообщество, но и воспроизводит стереотипы о демократичности, справедливости и нравственности европейского мироустройства. В этом отношении речь

Д. Кэмерона имеет выраженную популистскую направленность.

Следует отметить, что, помимо легитимизации, в выступлении британского лидера реализуются и другие функции политического дискурса. Так, использование общих или противоречивых утверждений, не основанных на фактических данных, но имеющих положительные эмоционально-оценочные смыслы (например, утверждений о важности роли Великобритании в международной политике), можно рассматривать как принуждение реципиента принять их в качестве истинных или правильных. Деонтическая модальность, подразумевающая обязательность совершения действия, также является способом реализации принуждения. В тексте выступления она представлена глаголом *must* в призывах к целевой аудитории поддержать позицию лидеров Евросоюза: *we must stand up to aggression; we must back the Ukrainian people; we must find a way to defuse the situation*. В речи также присутствует диссимуляция, выражающаяся в завуалировании проблем экономического и политического характера, связанных с евроинтеграцией (безработица, нелегальная эмиграция, терроризм и др.), посредством концентрации внимания на достоинствах и благах своего, европейского, общества и недостатках и угрозах других общественно-политических формаций, в данном случае России.

Итак, исследование позволило установить, что в речи британского премьер-министра активно задействованы различные механизмы легитимизации. Параметры трех когнитивных доменов проксимизации реализуются совместно на уровне текста и даже одного абзаца при помощи средств языка (лексика с эксплицитной оценочной составляющей, деагентивные синтаксические конструкции, глагольные предикаты, дейктические выражения), прагматики (импликатура, инференция) и риторики (аллюзия, аналогия, приемы аргументации). Утверждения, придающие речи убедительность и формирующие образ компетентного политика, обладающего силой и властью, а также дискурс «общего дела», направленный на актуализацию единства целей и интересов реципиента и говорящего, активно используются Д. Кэмероном с целью обо-

снования правильности и необходимости решений и действий лидеров Евросоюза. Данные средства и приемы легитимизации не являются отдельными, независимыми элементами дискурса, они находятся в постоянном взаимодействии, создавая целый ряд значений, которые реципиент обрабатывает в соответствии со своими когнитивными способностями, знанием, убеждениями. Выступление британского политика имеет идеологическую направленность, которая проявляется в воспроизводстве стереотипов о демократичности и благополучности европейского общества, а также в актуализации культурных и исторических представлений о России как идеологическом противнике Запада, источнике потенциальной опасности для Европы, характерных для западной политической риторики второй половины двадцатого века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ EU meeting on Ukraine: David Cameron's speech (delivered on 6 March 2014). URL: <https://www.gov.uk/government/announcements>.

² В современном политическом дискурсе слово *regime* имеет отрицательные коннотации и зачастую используется в качестве синонима слов и словосочетаний, выражающих значения «авторитарное правительство» и «диктатура» (см.: Oxford Dictionaries. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/regime>. – Title from screen).

³ Вербальные процессы, или «процессы говорения», вводящие в письменный текст содержание чьего-либо высказывания, являются важным инструментом исследования лингвистических стратегий, направленных на кодирование мировоззрения и оказание воздействия на реципиента. Л. Чен выделяет три вида вербальных процессов: нейтральные, отрицательные и положительные. Нейтральные вербальные процессы не имеют коннотаций, например, глагол *say*. Отрицательные вербальные процессы обладают коннотациями, которые характеризуют продуцента высказывания с отрицательной стороны посредством актуализации его слабости и / или уязвимости (*insist, claim, deny, admit, complain*). Соответственно, положительные вербальные процессы имеют коннотации, характеризующие продуцента высказывания с положительной стороны посредством актуализации его силы и / или власти (*order, demand, urge, recommend, warn, accuse, condemn, criticize*) [2, p. 479].

⁴ О способности местоимения *we* как актуализировать, так и стирать различия между членами и не членами какой-либо категории упоминают разные исследователи. В частности, Н. Фэрклаф отмечает, что «в политическом дискурсе наблюдается постоянная амбивалентность и сдвиг в употреблении эксклюзивного и инклюзивного *we*» [6]. П. Петерсоо вводит понятие блуждающего *we* («*wandering we*») для обозначения перемещающегося референтного знака этого дейктического выражения [8, p. 419]. Неопределенность и флюидность значения местоимения *we* делают его одним из важнейших инструментов убеждения в политике [7, p. 37].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cap, P. Language and Legitimization: Developments on the Proximization Model of Political Discourse Analysis / P. Cap // *Lodz Papers in Pragmatics*. – 2005. – Vol. 1. – P. 7–36.
2. Chen, L. Negatives and Positives in the Language of Politics: Attitudes Towards Authority in the British and Chinese Press / L. Chen // *Journal of Language and Politics*, University of Lancaster. – 2007. – Vol. 6, № 3. – P. 475–500.
3. Chilton, P. *Analysing Political Discourse. Theory and Practice* / P. Chilton. – London : Routledge, 2004. – 226 p.
4. Chilton, P. *Discourse and Politics* / P. Chilton, Ch. Schaeffner // *Discourse as Social Interaction* / ed. by T. A. van Dijk. – London ; New Delhi : Sage, 1997. – P. 206–230.
5. Cillia, R. de. The Discursive Construction of National Identities / R. de Cillia, M. Reisigl, R. Wodak // *Discourse and Society*. – 1999. – Vol. 1, № 2. – P. 149–173.
6. Fairclough, N. *New Labour, New Language?* / N. Fairclough. – London : Routledge, 2000. – 192 p.
7. Iñigo-Mora, I. On the Use of the Personal Pronoun We in Communities / I. Iñigo-Mora // *Journal of Language and Politics*. – 2004. – Vol. 3, № 1. – P. 27–52.
8. Petersoo, P. What Does ‘We’ Mean? National Deixis in the Media / P. Petersoo // *Journal of Language and Politics*, University of Lancaster. – 2007. – Vol. 6, № 3. – P. 419–436.
9. Reus-Smit, C. The Constitutional Structure of International Society and the Nature of Fundamental Institutions / C. Reus-Smit // *International Organization*. – 1997. – Vol. 51, № 4. – P. 555–589.
10. Williams, R. H. Constructing the Public Good: Social Movements and Cultural Resources / R. H. Williams // *Social Problems*. – 1995. – Vol. 42, № 1. – P. 124–144.
11. Wodak, R. *Pragmatics and Critical Discourse Analysis: a Cross-Disciplinary Inquiry* / R. Wodak // *Pragmatics & Cognition*. – 2007. – Vol. 15, № 1. – P. 203–225.

REFERENCES

1. Cap P. Language and Legitimization: Developments on the Proximization Model of Political Discourse Analysis. *Lodz Papers in Pragmatics*, 2005, vol. 1, pp. 7-36.
2. Chen L. Negatives and Positives in the Language of Politics: Attitudes Towards Authority in the British and Chinese Press. *Journal of Language and Politics*, 2007, vol. 6, no. 3, pp. 475-500.
3. Chilton P. *Analysing Political Discourse. Theory and Practice*. London, Routledge, 2004. 226 p.
4. Chilton P., Schaeffner Ch. *Discourse and Politics*. Van Dijk T.A., ed. *Discourse as Social Interaction*. London; New Delhi, Sage, 1997, pp. 206-230.
5. Cillia R. de, Reisigl M., Wodak R. The Discursive Construction of National Identities. *Discourse and Society*, 1999, vol. 1, no. 2, pp. 149-173.
6. Fairclough N. *New Labour, New Language?* London, Routledge, 2000. 192 p.
7. Iñigo-Mora I. On the Use of the Personal Pronoun We in Communities. *Journal of Language and Politics*, 2004, vol. 3, no. 1, pp. 27-52.
8. Petersoo P. What Does ‘We’ Mean? National Deixis in the Media. *Journal of Language and Politics*, 2007, vol. 6, no. 3, pp. 419-436.
9. Reus-Smit C. The Constitutional Structure of International Society and the Nature of Fundamental Institutions. *International Organization*, 1997, vol. 51, no. 4, pp. 555-589.
10. Williams R.H. Constructing the Public Good: Social Movements and Cultural Resources. *Social Problems*, 1995, vol. 42, no. 1, pp. 124-144.
11. Wodak R. Pragmatics and Critical Discourse Analysis: A Cross-Disciplinary Inquiry. *Pragmatics & Cognition*, 2007, vol. 15, no. 1, pp. 203-225.

**PRAGMALINGUISTIC PARAMETERS OF LEGITIMIZATION
IN THE POLITICAL DISCOURSE
(THE CASE OF D. CAMERON'S SPEECH)**

Tatyana Mikhailovna Golubeva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev
gtm77@mail.ru
Minina St., 24, 603600 Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. The paper provides a critical discourse analysis of the linguistic, rhetoric and pragmatic means participating in the implementation of legitimization (i.e. granting legitimacy to political actions and decisions) – a key strategic function of the political discourse. The corpus for investigation is represented by the speech of British Prime Minister David Cameron of March 6, 2014 in which he substantiates the necessity and expediency of the European Union's decision to impose political and economic sanctions on Russia. The evaluative lexis, syntactic structures, deictic expressions, argumentation and different types of implied meaning used by the British politician actualize the spatial, temporal and axiological dimensions of proximization – a principal cognitive mechanism of legitimization. In the speech, legitimization is also implemented through the extensive use of assertive speech acts creating the image of a competent politician and the construction of the “common ground” discourse actualizing the mutuality of the speaker's and addressee's aims and interests. It is argued that while seeking to form the reader's attitude to the actions of Russia and the EU prompted by the sudden aggravation of the Ukrainian crisis, the speech produces and reproduces particular stereotypes which position Russia as a source of danger and threat to “free and democratic” Europe, thus reanimating the ideology of conflict between Russia and the West.

Key words: political discourse, legitimization, proximization, evaluative lexis, verbal predicates, deictic pronouns, the European Union, Russia.